

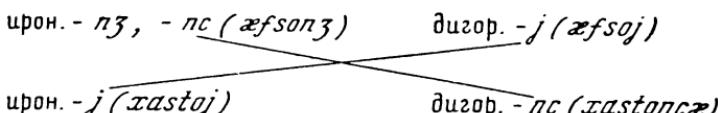
О ПЕРЕКРЕСТНЫХ ИЗОГЛОССАХ

Вероятно, каждый, кому приходилось заниматься диалектологией, встречался с таким явлением. Характерные черты и нормы, присущие одному диалекту и составляющие как бы его специфику, нет-нет, а всплывают в виде едичных фактов в другом диалекте, где они уже воспринимаются не как норма, а как исключение, как спорадическое «вторжение» из первого диалекта. Нижненемецкая форма *fett* 'жирный' задолго до Лютера уже бытовала в верхненемецком наряду с «чистой» верхненемецкой формой *feist*. В иронском диалекте осетинского языка слово *ræsügð* 'красивый' отражает фонетическую норму другого диалекта, дигорского; в иронском ожидали бы **ræsygð* (из др.-иран. **frasuxta-*). В заимствованном названии переметной сумы иронский и дигорский как бы поменялись формами: ирон. *xoržen* — дигор. *xüržin*: по огласовке первая форма отвечает нормам дигорского диалекта (*o—e*), вторая — иронского (*u—i*).

Закономерные иронско-дигорские соответствия нарушаются и в ряде других случаев. Так, иронскому *-z*, *-nʒ*, *-nc* обычно отвечает в дигорском *-j*:

иронский	дигорский
<i>k_oyʒ</i>	<i>kuj</i> 'собака'
<i>æfsonʒ</i>	<i>æfsoj</i> 'ярмо'
<i>ælxunc'</i>	<i>ælxij</i> 'петля' и др.

Однако в окончании 3-го лица мн. числа прошедшего времени переходных глаголов находим, к удивлению, обратную картину: в иронском *-oj*: (*xastoj* 'они несли'), в дигорском *-oncə* (*xastoncə*; конечный *æ* в *xastoncə* — характерный для дигорского добавочный гласный). Стало быть, мы имеем перекрестные изоглоссы:

Исследователь персидских и курдских диалектов К. Хаданк замечает: «От языка гурани связующие линии ведут то к сиванди,

то к заза, то к самнани. Вместе с тем распознаются каждый раз и демаркационные линии, которые свидетельствуют об известной самостоятельности этих языков или диалектов. Положение, стало быть, такое же запутанное, как это наблюдается и в других случаях: не простые, но многосторонние родственные отношения, но уже не столь тесные и близкие»¹.

Подобных фактов можно привести десятки и сотни из самых различных языков: повсюду в диалектах мы встречаемся с перекрестными и встречными изоглоссами, повсюду характерные черты одного диалекта бывают в виде единичных явлений вкраплены в ткань другого. Обычно такие факты объясняют заимствованием из одного диалекта в другой. Но такое объяснение не всегда находит поддержку в реальном положении вещей. Так, иронскую по употреблению, но «дигорскую» по вокализму форму *xorȝen* ‘переменная suma’ никак нельзя объяснить заимствованием из дигорского по той простой причине, что в последнем нет такой формы; там господствует «иронская» по вокализму форма *xīrȝīn*.

В других случаях возможность заимствования хотя и не является абсолютно исключенной, все же по ряду соображений представляется мало вероятной и даже совсем невероятной. Так именно обстоит дело с персидскими и курдскими диалектами, о которых выше говорилось. Перекрестные междиалектные лексические изоглоссы сплошь и рядом относятся к основному словарному фонду, выражают самые элементарные, насыщенные, обыденные понятия; представляется решительно непонятным, как мог данный диалект обходиться без таких слов и быть вынужденным заимствовать их из другого диалекта. Изучение исторической обстановки, территориального распределения, культурных взаимоотношений также нередко приводит к выводу, что нет и не было никаких реальных предпосылок для заимствования из одного диалекта в другой.

Как же в таком случае объяснить несомненный и постоянно встречающийся факт междиалектных перекрестных связей? Чем глубже вникаешь в материал, тем больше убеждаешься, что если в отдельных случаях и можно говорить о междиалектных заимствованиях, перекрестные изоглоссы, как универсальное явление диалектографии и лингвистической географии, объясняются иначе: тем, что нет «чистых» диалектов, что в любом диалекте могут сосуществовать не одна, а несколько норм. При этом одна норма может выступать как доминирующая, типичная, специфическая, «правильная», другая — как «незакономерная», «неправильная», как «исключение». Но последняя является в такой же мере «своей», «родной», не заимствованной, как и первая.

¹ O. Mann—K. Hadank. Kurdisch-persische Forschungen, Bd II, Abt. III. Berlin, 1930, стр. 70.

Многочисленны перекрестные изоглоссы в тюркских языках. Отмечу лишь некоторые.

Известно, что по двум важным фонетическим признакам чувашский (и монгольские) противостоит остальным тюркским языкам, а именно: чувашскому *l* отвечает в других языках *š* (*këmël* || *kütüš* 'серебро'), чувашскому *r* в других языках — *z* (*väkär* || *öküz* 'вол'). Однако «интересно отметить, что формы с *l* спорадически встречаются и в других тюркских языках, где мы ожидали бы *š*» (Н. К. Дмитриев. Соответствие *l* || *š*. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, I. Фонетика. М., 1955, стр. 320).

Это относится и к соответствию *r* || *z*. «Мы должны сказать, что сфера *r* и сфера *z* не абсолютно разграничены, а как бы накладываются одна на другую: конкретно говоря, сфера *r*, т. е. те тюркские языки, для которых типична в известных фонетических позициях именно фонема *r*, в известных случаях допускают применение фонемы *z*» (Там же). За примерами отсылаем к цитируемым статьям Н. К. Дмитриева.

С перекрестными изоглоссами постоянно приходится иметь дело в кавказских языках, как южных, так и северных. Южнокавказская (картвельская) группа делится на три ветви: грузинскую, мегрело-чанскую и свансскую. Между ними существуют определенные звуковые соответствия, в общем довольно выдержаные и последовательные. Это, однако, не мешает тому, что в отдельных случаях черты одной ветви всплывают в другой: «грузинизмы» — в мегрельском, «мегрелизмы» — в грузинском и т. п. Подобных случаев можно было привести немало. Ограничусь одним примером. Грузинскому *cxeli* 'горячий' должно по обычным звуковым корреспонденциям отвечать мегрел. **čxari*. Однако такой формы в мегрельском и чанском не обнаружено. Но в самом грузинском есть слово *cxari* 'жгучий'. Его звуковой облик — это компромисс между грузинской и мегрельской нормой: «мегрельскими» являются огласовка *a* и плавный *r*, «грузинским» — аффрикат *c* (вместо *č*). С другой стороны, в мегрельском находим форму *čxe* 'горячий', где *č* является «мегрельским», а огласовка *e* — «грузинской».

Исследователь дагестанских языков С. М. Хайдаков (устное сообщение) отмечает, что в одном только аварском языке с его диалектами встречаются в некоторых словах все те звуковые варианты, которые характерны для дагестанских языков в целом. Так, название лисы представлено в четырех вариантах: *šer*, *ser*, *čer*, *cer*. Все эти варианты закономерны с точки зрения общих возможностей дагестанской диалектной фонетики. Незакономерным кажется только их сосуществование в одном языке. Но эта «незакономерность» настолько часто наблюдается, что не считаться с нею было бы ошибкой.

В обобщенной форме можно сказать: в каждом языке (диалекте) могут выявиться в единичных фактах все те возможности, которые заложены во всей данной группе языков (диалектов) в целом.

Придя к такому выводу на современном диалектологическом материале, мы имеем все основания распространить его на прошлое, на все этапы развития родственных языков и диалектов начиная от древнейших времен, которые принято называть «доисторическими». Нет никаких оснований думать, что развитие языков и диалектов в прошлом шло иными путями и приводило к другим результатам, чем в настоящее время. Если иметь в виду, в частности, индоевропейские языки или отдельные ветви этой группы языков, мы можем a priori полагать, что и в их развитии не было предпосылок для образования каких-то чистых и монолитных диалектов, что перекрестные изоглоссы были всегда обычным явлением, отражая сложность и противоречивость общественно-исторических условий формирования языков и диалектов.

Хотя эти положения давно уже вошли в обиход лингвистической науки, они не всегда в должной мере учитываются в конкретных этимологических и историко-лексикологических исследованиях. Дает себя знать крепко сидящая в мозгу схема родословного дерева с вытекающими из нее представлениями об обособленных, цельных, несмешанных языковых единицах. В результате при объяснении некоторых фактов истории языка идут нередко по ложному пути и дают ошибочные интерпретации.

Остановимся на некоторых показательных примерах.

«МИДИЙСКИЕ» ЭЛЕМЕНТЫ В ПЕРСИДСКОМ

В древнеперсидском языке в ряде случаев общеиранскому *z* отвечает *d*, общеиранскому *s* — *ϑ*, общеиранскому *sp* — *s*, общеиранскому *ϑr* — *ss*: *zaranya-* || *daraniya-* ‘золото’, *asanga-* || *aϑanga-* ‘камень’, *aspə-* || *asa-* ‘лошадь’, *xšaϑra-* || *xšassa-* ‘царство’ и др.

Наряду с этим имеется немало случаев, когда древнеперсидский в отношении этих согласных идет в ногу с остальными иранскими языками, т. е. имеет *z*, а не *d* (*vazarka-* ‘великий’), *s*, а не *ϑ* (*Parṣa-* ‘Персия’), *sp*, а не *s* (*aspə-* рядом с *asa-* в *uvaspa-* ‘доброконный’, *Vištāspa-* имя, *vispa-* ‘весь’ рядом с *visa-*), *ϑr*, а не *ss* (*Miϑra-* ‘бог Митра’).

Исходя из предпосылки, что в одном языке не может существовать несколько звуковых норм, почти все исследователи считают только те слова «чисто персидскими» («echtpersisch»), в которых наблюдаются вышеупомянутые звуковые особенности: *d* вместо *z*, *ϑ* вместо *s*, *s* вместо *sp*, *ss* вместо *ϑr*. Те слова, в которых нет этих особенностей, рассматриваются как «незакономерные», «не-

правильные», и существование их в персидском объясняется заимствованием из мидийского. «Неправильной» и «займствованной» оказывается даже само название персов *Parse-* и другие обиходные слова. Эта точка зрения неизменно проводится во всех распространенных и авторитетнейших пособиях по древнеперсидскому².

Утверждение о заимствовании из мидийского основано на общих соображениях о культурно-политическом влиянии Мидии на Персию и по существу не может быть ни доказано, ни опровергнуто: о мидийском языке мы почти ничего не знаем.

В истории языкознания трудно найти другой пример, когда бы так широко и свободно оперировали данными языка, о котором ничего не известно. Дело доходит до того, что чуть ли не все, что отходит от предполагаемого «чисто персидского» эталона, объявляется мидийским. Слишком свободной реконструкцией «мидийских» форм грешит, нам кажется, и в целом весьма ценная статья А. Периханян «О некоторых вопросах среднеиранской диалектологии» («Историко-филологический журнал Армянской Академии наук», 1965, 4 (31), стр. 107—128). В этой статье ряду иранских элементов в армянском приписывается мидийское происхождение, и на этом основании мидийский язык наделяется теми или иными свойствами и признаками, которые — увы — проверить и подтвердить невозможно. Например, утверждается, что в мидийском перед группой согласных появлялся протетический гласный, так что, скажем, иран. *spāda-* ‘войско’ звучало там будто бы *aspāda-*, отсюда арм. *aspahapet* ‘военачальник’. Этому утверждению противоречит на беду единственное мидийское слово, которое мы знаем: название собаки. Геродот передает его в форме *spaka*, а не *aspaka*. Может быть, в древнемидийском еще не было протетического гласного, и он появился позднее? Обращаемся к современным иранским диалектам на территории исторической Мидии. Действительно, в диалекте самнани находим *äspä* ‘собака’ (A. Christensen). Но, с другой стороны, в диалекте баджалани (из группы гураны) бытует форма *sipä* (K. Hadank). Какую из этих форм следует рассматривать как «чисто мидийскую» (*echtme-disch*)? И на каком основании? Не естественнее ли думать, что «чисто мидийское» состояние — такая же фикция, как «чисто персидское», и что на территории Мидии никогда не было единого и монолитного мидийского языка, а было, как и сейчас, множество диалектов и говоров с перекрещающимися изоглоссами?

Концепция о существовании двух противостоящих друг другу монолитных и единообразных по звуковым нормам языков, пер-

² A. Meillet, E. Benveniste. Grammaire du Vieux-Persé. Paris, 1931, стр. 61, 64 и др.; R. G. Kent. Old Persian. New Haven, 1953, стр. 31, 33, 34 и др. W. Brandenstein—M. Maughaner. Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964, стр. 38, 39, 107, 157 и др.; K. Hoffmann a n n. Altiranisch. — «Handbuch der Orientalistik», IV. Iranistik. I. Abschnitt. Linguistik. Leiden—Köln, 1958, стр. 4.

сидского и мидийского, в корне противоречит данным современной диалектологии и лингвистической географии и должна быть отвергнута. Пестрота и перекрестные связи, которые К. Хаданк наблюдал в одной ироноязычной области, характерны для всего иранского мира. Там, где нет единообразия сейчас, когда действуют многие унифицирующие факторы, не могло быть единообразия и во времена Ахеменидов. Монолитность так называемого мидийского языка столь же сомнительна, как монолитность персидского. На территории исторической Мидии наблюдается сейчас большая диалектная пестрота; эта пестрота не могла возникнуть вчера. Она говорит косвенно о языковой пестроте древней Мидии.

Эти и другие соображения побудили меня еще двадцать лет назад высказать убеждение, что так называемые «мидийские» элементы в персидском не являются для персидского чужими, усвоенными извне. Они органически входили в ткань самого персидского языка³. Эта ткань никогда не была одноцветной. В нее вплетались нити разных расцветок⁴.

Средне- и новоперсидский языки отходят от так называемых «чисто персидских» норм еще чаще, чем древнеперсидский. По примерным подсчетам мы имеем отношение 2 : 3 в пользу неперсидского характера новоперсидского литературного языка. Где же в таком случае скрывается «чисто персидский» язык («echt persisch»)? Когда, где и в какой среде он засвидетельствован? Оказывается, нигде и никогда. Он представляет умопостигаемую категорию.

В древнеперсидских текстах встречается, например, слово *zūrah-* ‘ зло’. Это слово относят к заимствованиям из мидийского. Почему? Потому что по «чисто персидской» звуковой норме должно быть не *zurah-*, а **dūrah-*. Между тем такая форма нигде, насколько можно судить, не засвидетельствована. И в среднеперсидском и в новоперсидском находим только *zūr*. Слово относится к основному лексическому фонду, и заимствование его извне мало вероятно. Допустим, официальный язык ахеменидских надписей находился под влиянием такого же языка мидийской верхушки. Но в народных персидских говорах, хотя бы в одном каком-нибудь населенном пункте, можно было ожидать последовательно выдержаных «чисто персидских» звуковых норм, в том числе формы **dūr-*. Однако в довольно обширной литературе о персидских диалектах мы пока не встречаем сведений о таком говоре.

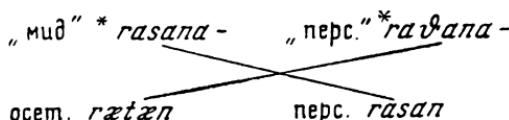
³ В. И. Абаев. Древне-персидские элементы в осетинском языке. — Сб. «Иранские языки» I. М.—Л., 1945, стр. 7—12; перепеч. в сб. «Осетинский язык и фольклор». М.—Л., 1949, стр. 138—143.

⁴ Сложность и пестроту фонетической картины в иранских наречиях (со ссылкой на наблюдения Моргенштерне, Хеннинга и Гершевича) подчеркнул недавно О. Семерены (O. S e m e r e n y i. Structuralism and Substratum. Indo-Europeans and Aryans in the Ancient Near East. «Lingua», 13, 1, 1964, стр. 20—22).

Или возьмем др.-перс. *vazarka-*, н.-перс. *buzurg* ‘большой’. Здесь также находим «мидийское» *z* вместо «чисто персидского» *d*. Но где и кем засвидетельствованы др.-перс. **vadarka-*, ср.-перс. **vadarg* и н.-перс. **budurg*? Оказывается, нигде и никем. Зачем было персам заимствовать у мидийцев такие слова, как «большой» и «зло»? Неужели сами они не дорошли до этих элементарнейших понятий, которые знакомы самим первобытным народам?

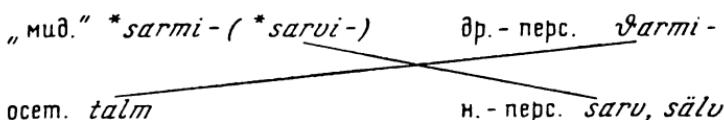
Если, с одной стороны, в персидском оказывается изрядное количество так называемых «мидийских» элементов, то, с другой стороны, «чисто персидские» формы встречаются далеко за пределами Персии.

Иран. **rasana-* ‘веревка’ (др.-инд. *raśana-*) в «чисто персидском» оформлении должно звучать **raθana-* (см. выше, стр. 250). К этой именно форме восходит закономерно — но не персидское, а осетинское — *rætæn* ‘ременная веревка’. В персидском же вместо ожидаемой формы **rahan*, **rahn* (ср. перс. *pahan*, *pahn* из *raθana-* ‘широкий’) находим «мидийское» *rasan*. Иными словами, осетинский и персидский как бы поменялись формами⁵. Графически эти перекрестные изоглоссы выглядят так:

Другой такой же пример.

В древнеперсидском засвидетельствовано название дерева *ϑarmi-*. Точное соответствие этого названия мы находим и на новоперсидской почве, но, странное дело, не в персидском, а в осетинском: *talm* ‘горный ильм, *Ulmus montana*'. А что же новоперсидский? А в новоперсидском и на этот раз восторжествовала его вторая, «мидийская» природа. В «мидийском» слово должно было звучать **sarmi-* или **sarvi-*⁶. Этую-то «мидийскую» форму мы и находим в новоперсидском *sarv*, ларский диалект *sälv* ‘кипарис’:

Непонятно, зачем было персидскому заимствовать мидийские формы, имея свои, персидские. Да и для осетинского трудно пред-

⁵ В. И. Абашев. Древне-персидские элементы в осетинском языке, стр. 11 сл.

⁶ Колебание *-mi- || -vi-* такое же, как в иран. **kṛ̥mi-* (осет. *kalm*) ‘чervь’ при слав. *červь-* (из **kṛ̥vi-*).

ставить те конкретные географические и исторические условия, в которых он мог бы заимствовать эти слова из древнеперсидского. Скорее мы имеем здесь явление перекрестных изоглосс, не связанное ни с каким заимствованием.

Любопытна судьба двух широко распространенных иранских слов: в одном случае почти всеобщим достоянием стала «персидская» форма, в другом — «мидийская». Я имею в виду *dasta-* ‘рука’ и *farnah-* ‘благодать’.

Dasta- — форма древнеперсидская. Ей отвечает закономерно авест. *zasta-*. Эту же форму (с начальным *z*) мы вправе ожидать в мидийском и в других иранских языках. В действительности повсюду, кроме Авесты, находим рефлексы «чисто персидского» *dasta-*: курд. *dest*, белудж. *dast*, согд. *ðst*, ягноб. *dast*, сак. *dastaka*, шугн. *ðust*, афган. *las* и т. д. Не берусь судить, насколько правдоподобно, что почти все иранские племена учились названию руки у персов.

Др.-перс. *farnah-* ‘благодать’ (в составе личных имен *Vinda-farnah-*, **Artafarnah-* и др.) восходит к иран. **hvarnah-* (авест. *x^oarənah-*) от *hvar-* ‘солнце’, ‘свет’. Этимологическая связь с ‘солнцем’ еще проступает в осетинском, где, наряду с *farn* ‘благодать’, в «секретном» охотничье языке находим *færnæ* ‘солнце’ (вместо обычного *xūr* | *xor* ‘солнце’) ⁷.

Однако в то время как в названии солнца и в других случаях иран. *hv-* почти повсюду отражено как *x-*, *xw-*, в данном слове почти все иранские языки дают *hv-* → *f-*: скиф. *фару-*, осет. *farn*, сак. *phārra*, кушан. *ফাৰ(প)*, согд. *prn*, н.-перс. *farr* и др. Эта фонетическая особенность считается почему-то «мидийской», и отсюда делается вывод, что все перечисленные формы восходят к мидийскому. Действительно, в некоторых так называемых центральных диалектах Ирана иран. *hv-* дает *f-*. Например, в диалекте сиванди находим *fordén* ‘есть’ из *hvar-* (перс. *x^oardan*) и др.⁸ Однако диалект сиванди географически относится к персидским, а не к мидийским наречиям. В подавляющей массе «мидийских» по территории диалектов эта особенность не наблюдается. С другой стороны, она спорадически отмечается в языках, далеких от какого-либо мидийского влияния. Так, в осетинском находим не только *farn* из **hvarna-*, но и *fyn* || *fun* ‘сон’ из *hvafna-* (через ступени **hvavna-* → **hvauña-*, как *ryñ* | *run* ‘болезнь’ из **rafna-*). Ожидали бы не *fyn* | *fun*, а **x_oyp* — **xip*⁹. Неужели и здесь надо думать о заимствовании из мидийского? Если для полурелигиозного термина, каким является *farnah-* ‘благодать’, такая экспансия из одного центра имеет какое-то правдоподобие, то для обыденного физиологического понятия ‘сон’ такое допущение лишено всякого основания.

⁷ А ба е в I, стр. 421 сл.

⁸ GIPh I, 2, стр. 387.

⁹ А ба е в I, стр. 496.

ния. Где и когда мог осетинский заимствовать из мидийского слово *fyn* ‘сон’? Если это слово что-нибудь и доказывает, то не мидийское влияние на осетинский, а то, что развитие *hv*—*f* могло, как спорадическое явление, возникать независимо в разных иранских диалектах. Но если так, то и скиф. *farna-*, осет. *farn* нет никакой необходимости выводить из мидийского.

Мы понимаем, что лингвисту, вышколенному на вере в непогрешимость звуковых законов, перекрестные изоглоссы наносят чувствительную травму. Но ведь лучше, если пострадает вера, чем если пострадают факты и их интерпретация¹⁰.

«ГЕРМАНСКИЕ» ЭЛЕМЕНТЫ В СЛАВЯНСКОМ

Мы рассмотрели некоторые случаи перекрестных изоглосс внутри одной языковой группы, иранской. Перенесемся теперь в ту эпоху, когда из зыбкого, подвижного, расплывчатого индоевропейского единства только начали выделяться и обособляться отдельные «ветви», будущие арийские, славянские, германские и другие языки. Нет сомнения, что и тогда картина междиалектных отношений была очень сложной и пестрой, и тогда не было единобразных, строго выдержаных по всему лексическому материалу звуковых норм, и тогда встречались «неправильные», «незакономерные» формы, наводящие на мысль о заимствовании из другой диалектной среды, но в действительности возникавшие и без всякого заимствования, в силу общей неустойчивости языковых норм.

Приведем несколько примеров.

В общеславянском распознается значительное количество германских заимствований. Им посвящена обширная литература. Знакомясь с нею, не трудно заметить, что список заимствований у разных авторов существенно расходится. Очень длинный у Хирта¹¹, он намного короче у Младенова¹². Среднюю позицию занимает Кипарский¹³. Из этих расхождений видно, что, наряду с бесспорными заимствованиями из германского, есть слова, германское происхождение которых не без основания оспаривается некоторыми авторами. Таково, например, название молока¹⁴,

¹⁰ Как говорит Малькил (J. Malkiel), иррегулярное фонетическое явление, это — «*thorn in the flesh of the philologist, but he would be failing his duty if, for that private inconvenience, he suppressed it*» (цит. по АО 1965, № 4, стр. 704).

¹¹ H. H i r t. Zu den germanischen Lehnwörtern im Slawischen. —PBB 23, 1898, стр. 330—351.

¹² Ст. М л а д е н о въ. Старитѣ германски елементи въ славянскитѣ езици. София, 1909.

¹³ V. K i p a r s k y. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. «Annales Academiae Scientiarum Fennicae», Ser. B, t. 32. Helsinki, 1934.

¹⁴ Литературу см.: V. K i p a r s k y. Указ. соч., стр. 45 сл.; V a s - m e g II, стр. 151 сл.

общеслав. **melko*. Связь с германскими, кельтскими, тохарскими формами лежит, казалось бы, на поверхности: герм. **meluk*, гот. *miluks*, нидерл. *melk*, норв. *melk*, англ. *milk* и пр.; ирл. *melg* 'молоко', тох. *A malke* 'молоко', *malk-* 'доить'. Но какого характера эта связь? Исконное родство отвергается по фонетическим основаниям: тохарские, германские и кельтские формы предполагают и.-е. **melg-* 'доить', что должно было дать слав. **melz-*, а не **melk-*, ср. слав. **melz-ivo*, русск. *молозиво*. Значит, слав. **melko* заимствовано из германского (Уленбек, Хирт, Клузе, Фальк—Торп и др.). Однако и это предположение приходится отвергнуть, на этот раз и по фонетическим и по реальным культурно-историческим соображениям. С звуковой стороны нет соответствия между герм. **meluk-* и слав. *melko*. Со стороны реалий лишено малейшего вероятия, что славяне познакомились с молоком от германцев. Остается будто бы признать, что слав. **melko* не имеет ничего общего с названием молока в близкородственных языках, а происходит от другого корня (и.-е. **melk-* 'влажный' и пр.). Столь очевидная, столь наглядная, столь неотразимая для неискушенного связь *молока* и с *молозивом* и с тохаро-германо-кельтскими словами отвергается в угоду нерушимости звуковых законов и роковой альтернативе: либо исконное родство, либо заимствование. Но эта альтернativa представляет запоздалое наследие младограмматической доктрины и в свете современной науки оказывается ложной. Есть третья возможность, с которой постоянно встречается диалектолог и которую мы иллюстрировали выше на некоторых иранских примерах: единичные «вторжения» норм одного диалекта в другой, родственный, не подводимые под понятие «заимствования». Такое именно единичное вторжение германской звуковой нормы в славянскую речь мы имеем в слове **melko* 'молоко'.

С этой точки зрения колебание **melz-* (**melg-*) || **melk-* — это старое внутриславянское произносительное колебание, не дающее права видеть в них разные по происхождению слова или считать вторую форму заимствованной, так же как варианты *столб* || *столп*, лит. *stulbas* || *stulpas* не дают основания рассматривать их как генетически не связанные слова или считать формы с *-р-* заимствованием из германского *stolpi* (вопреки Мерингеру¹⁵ и Стендер-Петерсену)¹⁶. Ср. также варианты **vold-* ('владеть') и **volt-* (русс. *волот* 'великан').

Эти и подобные факты побуждают с осторожностью относиться к установлению «заимствований» по одним только звуковым признакам. Лишь с учетом всех сторон вопроса — фонетических, морфологических, словообразовательных, семантических, культурно-

¹⁵ WuS I, 1909, стр. 200.

¹⁶ A. Stender-Petersen. Slavisch-germanische Lehnwortkunde. Göteborg, 1927, стр. 280 сл.

исторических — можно вынести окончательное решение: заимствование или не заимствование. Это относится, разумеется, и к предполагаемым германским заимствованиям в славянском. Методологически правильно было бы различать две вещи: 1) германские элементы в славянском и 2) «германизмы» в славянском, т. е. элементы, получившие «германский» звуковой облик не в результате заимствования, а в силу того, что в формировании самих славянских языков участвовали струи или струйки из соседних родственных языков и диалектов¹⁷.

В осетинском выявляется некоторое количество картвельских по происхождению слов, оформленных по нормам мегрельского языка. Статью об этих словах я озаглавил не «Мегрельские элементы в осетинском», а «Мегрелизмы в осетинском»¹⁸. Почему? Потому, что большую часть этих слов я считаю не заимствованием из современного мегрельского языка (осетины и мегрэлы сейчас не соседят), а участием мегрельской по звуковым нормам среды в формировании осетинского языка в кавказский период его истории.

Одним из важных признаков, определяющих фонетический облик славянских языков, справедливо считается их принадлежность к группе языков *satəm*, куда входят также балтийские, арийские, армянский. В этих языках индоевропейские палатализованные *k'*, *g'*, *g'h* выступают как спиранты (слав. *s*, *z*). Однако во всех этих языках, в том числе и славянских, есть случаи, когда они идут в ногу с языками *kentum*, т. е. дают *k*, *g* вместо ожидаемых *s*, *z* и пр. Таковы ст.-слав. *kamъ* 'камень' (ср. др.-инд. *as̄tan-*), *svekrъ* 'свекор' (др.-инд. *svaśura-*), *brēgъ* (и.-е. **bherg-*-, иран. *barz-*) 'берег', *vrag-*, *vražiti*, русск. *ворог*, *ворожить* (и.-е. **werg-*-, иран. *varz-*)¹⁹ и др. Эту «ненормальность» объясняют по-разному²⁰. Однако показательно, что все меньше специалистов считает соответствующие славянские слова заимствованием из германского или другого языка *kentum*. Большинство признает их такими же исконно славянскими, как слова с «закономерными» *s*, *z* из *k'*, *g'*, *g'h*. Иначе говоря, в самом славянском допускается колебание *s*, *z* || *k*, *g*²¹. Между тем случай с **melko* 'молоко' и др. ничем принципиально не отличается от случая с *svekrъ* и др. Там мы имеем единичные фонетические изоглоссы, связывающие славянский

¹⁷ Разумеется, термин «германизм» здесь вполне условен и может употребляться только в кавычках. Переход, например, звонких в глухие свойствен не только германскому, но и тохарскому, стало быть, можно говорить о «тохаризмах» и т. п.

¹⁸ А ба е в ОЯФ I, стр. 323.

¹⁹ А ба е в ОЯФ I, стр. 581 сл.

²⁰ См.: V. K i r a g s k y. Указ. соч., стр. 101—108; B. Г e o r g i e v. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. M., 1958, стр. 28—57.

²¹ Такие пары, как *олос* || *олокно*, говорят в пользу того, что обе нормы могли сосуществовать в одном языке.

с германским или тохарским, здесь изоглоссы, связывающие славянский в более широком плане с языками группы kentum.

Слав. *vaga* 'вес', 'весы' считается заимствованием, и притом поздним, из др.-в.-нем. *wāga* 'вес', 'весы'. Однако в этом случае трудно объяснить его «невероятно разросшееся словообразование» (выражение Брюкнера и Кипарского); ср. польск. *wažny*, *ishažny*, *ishažać*, *odwaga*, *odwažić się*, *odwažny*, *powaga*, *poważać*, *poważny*; русск. *важный*, *уважать*, *отвага*, *отважиться*, *отважный* и пр. Следует, далее, учесть, что слово имеет точные соответствия в иранском: язгулямск. *wāz* 'тяжесть', 'груз', рушанск. *wēz*, сарыкольск. *wēz*, осет. *wæz*. Все это наводит на мысль, что мы имеем дело не с заимствованием из одного языка в другой, а с общей ирано-славо-германской изоглоссой (и.-е. **wōg'hā-*), но только с не совсем обычным распределением фонетических типов; что данное слово в славянском такое же оригинальное, как в иранском и германском, но выступает в «кентумном» звуковом облике, т. е. стоит в одном ряду с такими словами, как *bregъ*, *vragъ* и пр. (см. выше). Иными словами, и на этот раз фонетическая граница *kentum* | *satəm* проходит не между германским и славянским, а между славянским и иранским.

ИРАН. *aixa-* 'ЛЕД'

Иран. *aixa-* 'лед' (авест. *aēxa-*, хорезм. *ēx*, согд. *yyu*, осет. *īx|ex*, перс. *uax*, курд. *yex*, вахан. *yix*, ягноб. *īx* и пр.) выглядит как фонетическая аномалия. Иран. *x* между гласными восходит обычно к *kh*²². И если *aixa-* является индоевропейским наследием, мы должны восстановить арийское **aikha-*, и.-е. **eikho-* или **oikho-*. Однако ничего, что подтверждало бы существование таких форм, нигде за пределами иранского мира с уверенностью не распознается.

Наряду с *aēxa-* 'лед' в Авесте находим *isu-* 'студеный', 'морозный', в афганском — *asai* 'иней'. Иран. *s* восходит к и.-е. *k'*. Но следов и.-е. **ik-* 'лед', 'мороз' мы также в других языках не находим. Естественный соблазн связать *aixa-* и *isu* с германской группой *is-* 'лед' (др.-сев. *iss*, др.-англ. *is*, др.-в.-нем. *is*, нем. *Eis* и пр.) наталкивается, казалось бы, на головоломные трудности: как свести к одному знаменателю *s*, *k'* и *kh*? Бартоломэ пытался преодолеть эти трудности, восстанавливая для *isu-* индоативную глагольную основу **is-sk-*²³. Однако такая основа нигде не засвидетельствована. Повсюду находим только именные основы без каких-либо ощутимых признаков отглагольного происхождения.

²² Chr. Bartholomae. Vorgeschichte der iranischen Sprachen. — GIPh, I, 1, стр. 8.

²³ ZDMG 50, 1896, стр. 697.

Допуская, что и.-е. *kh* иногда давало в иранском *š*, Бартоломэ, помимо пары *aixa- || iš*, приводит еще осет. *rexe* || перс. *rēš* 'борода' и перс. *rux* || осет. *rus* 'щека'²⁴. На беду для этих слов он не может предложить никакой этимологии, а потому не может и доказать, что в них *x* древнее *š*, а не обратно. Бартоломэ прав в том, что три пары:

<i>ix (aixa-)</i>	<i>*iš</i> 'лед'
<i>rīxi (rexe)</i>	<i>rīš (rēš)</i> 'борода (ус)'
<i>rux</i>	<i>ruš (-s)</i> 'щека (лицо)'

следует рассматривать в одном ряду и искать для них единого объяснения. Но при этом надо идти от известного к неизвестному, т. е. ухватиться за ту пару, которая имеет надежную этимологию.

Такой парой является *ix || iš*. Она неотделима от германских названий льда и, стало быть, восходит к **is-*. По аналогии для *rīxi || rīš* надо искать прототип **ris-*, а для *rux || rus* — прототип **rus*. Ср. для *riš* герм. (*h*)*ris-* 'побеги растительности', 'кустарник', 'клок' (Falk—Торп II, стр. 903), лат. *crinis* (из **kris-ni-*) 'волосы', *crista* 'хохол', 'гребешок (у петуха)'. Лексическая близость к германскому особенно подчеркивается на этот раз фонетической: отпадением начального *x*, вообще не характерным для иранского (**riš || *rix* из **xriš || *xrix*).

Что касается *rux || ruš* 'щека, лицо', то оно сближается с герм. **rus-* 'очищать от растительности, от волос': др.-сев. *hold-rosa* 'бесшерстая сторона шкуры', швед. *rösen* 'брюхо' и пр. (Falk—Торп II, стр. 911, под словом *Ros I*) и означает, собственно, 'лишенная растительности, гладкая часть лица'. Таким образом, приведенные Бартоломэ примеры доказывают одно: и.-е. *s* после *i*, *u* мог давать в иранском не только *š*, но в единичных случаях и *x*, как в славянском, причем оба варианта, *š* и *x*, могли сосуществовать, как, скажем, сосуществуют в славянском *душа* и *дух* и т. п.

На интересующих нас названиях льда останавливался Шпехт. Шпехт отвергает гипотезу Бартоломэ как «wenig ansprechender Erklärungsversuch». По его мнению, надо исходить из и.-е. корня **i-* с разными удлинениями: **i-s-* (герм. *is*), **i-k'-* (авест. *isu-*), **i-kh-* (авест. *aēxa-*), **i-n-* (слав. *inije*)²⁵.

Но такая подвижность словообразования при неподвижности значения совершенно непонятна. Словообразовательное варьирование не бывает в языке праздной забавой. Оно служит семантическому варьированию. Здесь этого нет: «лед» остается «льдом»,

²⁴ В осетинском *s* совпали старые *s* и *š*.

²⁵ F. Specht. Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947, стр. 18, 201, 234.

и такое разнообразие основ внутри одного языка представляется ничем не мотивированным.

К тому же Шпехт оставляет без объяснения аналогичные чередования *rix* || *riš* и *rux* || *ruš* (см. выше), где еще меньше оснований думать о словообразовательных, а не фонетических вариантах.

Между тем приведенные факты допускают очень простое, не вымученное объяснение, если их рассматривать как междиалектные изоглоссы.

И.-е. *s* после *i*, *u* сохраняется как *s* в германском, но переходит в *x(ch)* и *š* в славянском, в *š* в иранском²⁶.

Исходное и.-е. **is-* (на сильной ступени **eis-*, **ois-*) ‘лед’ должно дать закономерно герм. *is-* (*eis-*), слав. *ich-* (*jech-*, *jach-*), иран. *iš-* (*aiš-*). Ср. др.-сев. *meiss* ‘корзина’, слав. *těchъ*, авест. *taeša-* ‘баран’ (из и.-е. **moiso-*); норв. *veis* ‘стебель’, слав. *věcha*, осет. *wīs* | *wes* (из **vaišā-*) ‘прут’ (и.-е. **woisā-*) и т. п.

Легко видеть, что иран. *aixa-* со своим *x* отражает не «чисто иранскую» (ожидали бы **aiša-*), а «славянскую» норму. В этом же ряду стоят иран. *rič* ‘борода’ и *rux* ‘лицо’.

Точно так же авест. *isu-* оказывается не «чисто иранской» формой (ожидали бы **išu-*), а «германской». Иными словами, перед нами обычное и постоянно повторяющееся явление перекрестных изоглосс: *aixa-* — «славизм» в иранском; *isu-* — «германизм» в иранском.

Нет, стало быть, оснований отделять иранские названия льда от германских²⁷. Они имеют общий источник в и.-е. **is-*. Формы *is-*, *ix-*, *iš-* — не словообразовательные, а фонетические варианты, отражающие три диалектные нормы. Необычно их сосуществование в одной языковой группе, иранской. Но и в этой необычности, как мы пытаемся показать, есть своя закономерность, если можно так выражаться, второго порядка, считая закономерностью первого порядка звуковой закон. Перекрестные изоглоссы, внося свой «корректив» в звуковой закон, приводят к тому, что нормы одного диалекта всплывают частично в другом, например «праслав.» **oicho-* в иран. *aixa-*.

То, что в самом славянском мы не находим ожидаемого **ich-* ‘лед’ (польск. *kra*, чеш. *kra*, русск. диал. *икра* ‘льдина’ вряд ли сюда относится), не должно удивлять. Явление это хорошо зна-

²⁶ Стоит отметить, что произношение иран. *š* (из *s*) в некоторых иранских языках (шугнанская группа) приближается к *x* (*χ*). Судьба и.-е. *s* и в других позициях частично параллельна в иранском и славянском: переход *s* → *h* в иранском и *s* → *x* (*ch*) в некоторых позициях в славянском; исчезновение *s* перед *n*.

²⁷ Ирано-германским лексическим связям посвящена диссертация (еще не опубликованная) молодого германиста М. П. Дадашева. Герм. *is-* : иран. *aixa-* относится к числу этих изоглосс.

кому диалектологам: та или иная диалектная форма всплывает не там, где ее ожидали, а в соседнем диалекте. Ср. ниже следующий пример.

СЛАВ. *russъ* 'РЫСЬ'

Слав. *russъ* (ст.-слав. *russъ*, русск. *рысь*, польск. *ryś*, чеш. *rys*, с.-хорв. *ris*, болг. *ris*) неотделимо, казалось бы, от других и.-е. названий этого хищника: лит. *lūšis*, лтш. *lūsis*, др.-прусск. *luysis*, др.-в.-нем. *luhs*, нем. *Luchs*, др.-сакс. *lohs*, ирл. *lug*, арм. *lus-* в *lusank* (мн. ч.); с инфиксированным *n* греч. λύγξ, λυγχός (и.-е. *leuk-, *leuk-* 'сиять', 'блестеть'). Так именно трактовал славянское слово Миклошич²⁸, а за ним и многие другие слависты и индоевропеисты.

Однако начальный *r-* воспринимается как аномалия: ожидали бы *l-* в согласии с другими и.-е. формами. Это расхождение между славянским и родственными языкамиказалось некоторым исследователям настолько серьезным и непреодолимым, что привело их к мысли о необходимости оторвать *русь* от всей приведенной группы (в том числе от балт. *lūšis*, *lūsis!*) и связать это слово этимологически с совершенно другой группой: ст.-слав. *rusъ*, русск. *русый*, чеш. *rysý* 'рыжий' и пр.²⁹

Случай с *рысью* напоминает рассмотренный выше случай с *млеком*. Как там предельно очевидная связь славянского слова с тохаро-германо-кельтскими названиями молока приносится в жертву слишком жестко и прямолинейно понимаемой младограмматической доктрине, так здесь эта же доктрина вынуждает разорвать сверхочевидную связь между славянским и другими и.-е. названиями *рыси*.

Нам представляется, что, как ни важны звуковые законы в этимологической работе, не следует в угоду им разъединять неразъединимое. Слав. *russъ* допускает только одно рациональное разъяснение: в рамках и.-е. названий *рыси*. Начальное *r-* есть один из случаев уже знакомого нам явления: единичное вторжение звуковой нормы другого и.-е. диалекта, иранского, в славянский. В иранском и индийском произошел перебой общеиндоевропейского плавного *l* в другой плавный, *r* (арийский ротализм). «Иранская» форма **rusi-* и отражена в слав. *russъ*. Речь идет и на этот раз не о заимствовании из иранского, как думают некоторые авторы³⁰. В иранском слово нигде не засвидетельствовано (ср. перс. *vašaq* 'рысь'). Речь идет о том, что фонетическая закономерность (*l*→*r*), выступающая как норма в одной группе языков, арийской, могла, в виде исключения, выявиться единичными случаями в другой группе,

²⁸ Miklosich, стр. 286.

²⁹ Vasmér II, стр. 557 сл., со ссылками на литературу.

³⁰ Коřínek. — LF 67, стр. 289; Janko. — LF 40, стр. 302; Zubatý (по: Vasmér II, стр. 558).

славянской. *Russ* — «иранизм» (не иранский элемент, а «иранизм») в славянском, как *aixa-* ‘лед’ — «славизм» (не славянский элемент, а «славизм») в иранском³¹.

Другим примером «вторжения» арийского ротацизма в славянский может быть название славянского солнечного божества *Svarogъ*. Преображенский (II, стр. 255) правильно делит *svar-og-* и сближает *svar* с др.-инд. *svar-* ‘солнце’, ‘небо’. Оспаривая эту этимологию, Фасмер указывает на незакономерность *r*; ожидали бы *l* (**sval*), как в неарийских языках: *солнце*, лат. *sol* и пр.³² Прямое заимствование из арийского справедливо отвергается³³. Правильнее видеть в *Svarogъ* внутриславянское культовое наименование солнца, противоставленное его обыденному названию (*солнце*), с внутриславянской же фонетической вариацией *sval-/-svar-*.

Божество огня называлось *Svarожич*, т. е. ‘сын Сварога’. Это представление об огне как сыне неба-солнца имеет прекрасную аналогию в Авесте. Там огонь (*atarś*) часто зовется сыном Ахура-Мазды (*riθrō ahurahe mazdā*). Ахура-Мазда олицетворяет, как и Сварогъ, небо-солнце. Солнце зовется «глазом Ахура-Мазды».

И.-Е. * *arp-* И *aqua-* ‘ВОДА’

Имеем два ряда:

др.-инд. *āpas* (мн. ч.) ‘воды’, иран. *āp-* ‘вода’, др.-prusск. *ape* ‘река’, лит. *ūrė* то же;

лат. *aqua* ‘вода’, гот. *ahwa* ‘река’ и пр.³⁴

Звуковые законы исключают, казалось бы, какую-либо связь между этими двумя рядами³⁵. И.-е. *kw*, *k'w*, *kʷ* не дают в арийском и балтийском *p*. Но есть другие и.-е. языки, для которых такое соответствие обычно: греческий, некоторые итальянские (оско-умбрские) и кельтские наречия; ср. гр. ἵππος ‘лошадь’ из

³¹ Указывалось, что «деформация»* *lysъ* → *ryssъ* могла произойти для размежевания с *lysъ* ‘лысый’ или в силу табуистического запрета (М а с х е к, стр. 430). Потребность дифференциации созвучных, но разнозначных слов и преодоления омонимии может играть известную роль в появлении перекрестных изоглосс. Так, закономерное иран. **aiša-* ‘лед’ могло быть вытеснено «славизмом» *aixa-* отчасти для размежевания с *aiša-* ‘плуг’ и *aiša-* ‘этот’. Под влиянием табу чисто латинское **volcus* ‘волк’ было, по-видимому, заменено оско-умбrijской формой *lupus* (В. И. А ба е в. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 90). Важно, однако, что эти заменяющие формы берутся не с потолка, а отражают реально существующие в родственных диалектах нормы, которые, стало быть, в известных пределах сосуществовали с господствующими нормами.

³² V a s m e g II, стр. 586.

³³ Там же.

³⁴ О распределении типов *arp-* и *aqua-* в и.-е. лексике и топонимике см.: В. П о р ц и г. Членение индоевропейской языковой общности (пер. с нем.). М., 1964, стр. 302—305.

³⁵ «Mit lat. *aqua*, got. *ahwa* darf *āpas* nicht verglichen werden, denn idg. *q* wird regelmässig durch aind. *k* (*c*) vertreten» (U h l e n b e c k, стр. 21).

**ek'wo-*, ποινή ‘возмездие’ из **kʷoinā-*, ἕπομαι ‘я следую’ из **sekʷ-* и др. Арийское и балтийское *ar-* при латинском *aqua* — соответствие такого же порядка, с той оговоркой, что изоглоссы идут на этот раз по необычным перекрестным линиям. Иными словами, арийское и балтийское *ar-* мы можем условно назвать «грецизмом», как иранское *aixa-* назвали условно «славизмом», а славянское *ryś* опять-таки условно — «иранизмом». К такой именно интерпретации др.-инд. *āras* и пр. приходят сейчас авторитетные специалисты: «Idg. *ār-* ist viell. Dialektvariante von idg. (vgl. lat.) *aqua* ‘Wasser’»³⁶. В самом латинском находим единичные проникновения оско-умбrijской нормы, например в слове *lupus* из **wlkʷo-* ‘волк’.

Перекрестные изоглоссы — универсальное явление в истории языков. Сущность этого явления состоит в том, что нет чистых и монолитных языковых систем, что в любом языке (диалекте), наряду с господствующими, специфическими для него чертами, выступают в виде единичных вкраплений элементы и признаки соседних языков (диалектов), при этом не в результате внешнего заимствования, а в результате исконной, органической неоднородности и пестроты участвовавших в его формировании компонентов. Так обстоит дело с современными диалектами, так обстояло и с взаимоотношением между и.-е. диалектами в древности. Можно пойти еще глубже и усмотреть те же признаки взаимопроникновения в отношениях между разными языковыми семьями. Не раз отмечались черты близости индоевропейских языков с семитическими, кавказскими, угро-финскими, алтайскими. Ставился вопрос, имеем ли мы дело с исконным родством или заимствованием. Возможно и нечто третье. Касаясь изоглосс, связывающих и.-е. мир с угро-финским, А. Неринг (A. Nehring) пишет: «Um Entlehnungen kann es dabei kaum handeln. Erst recht wird man sich nicht zur Annahme von Urverwandtschaft entschliessen können. Zu erwägen wäre aber, ob nicht im Urindogermanentum eine finnisch-ugrische Komponente vorhanden war»³⁷. Такое же истолкование дается некоторым монголо-маньчжурским изоглоссам (Л. Лигети).

Слишком жесткое, механическое применение схемы родословного древа, концепция монолитных языковых типов, вера в непрерывность звуковых законов приводят нередко в этимологической работе к искусственным, нереальным разъяснениям и построениям. Несколько таких примеров мы выше привели.

Признание и постоянный учет перекрестных изоглосс вносят в этимологическое исследование больше гибкости и маневренности, а результаты этого исследования делают более соответствующими реальному историческому процессу.

³⁶ M a u g h o f e r I, стр. 75.

³⁷ «Kratylos» IX, 2, 1964, стр. 142.